

Детский разум тоже начал подталкивать меня к тому, чтобы я заткнулась, как будто почувствовал зловещую угрозу.

Но не успела я замолчать, как Генрих снова спросил:

— Можешь ли ты назвать мне имена или описать внешность тех, кто об этом говорил? И когда ты это слышала? Была ли эта история основной темой того разговора?

Ух, как много вопросов.

Я отвечала немного медленно, потому что в моей голове все перепуталось.

— Их и-имена... Во-первых, люди, которые чаще всего разговаривали об этом с графом Семондом, были маркиз Дамьен, граф Полфорд и маркиз Эндери. Это было сказано три месяца назад. Они много говорили об императоре.

Каждый раз, когда устраивалось чаепитие или банкет, разговоры в основном касались императора или императорской семьи.

Некоторые взрослые, казалось, беспокоились, что я подслушаю что-то важное, но граф Семонд считал меня глупой. Благодаря этому я узнавала самые разные истории.

Я думала притвориться непонимающей, что это был заговор против императора. Но Генрих, выражение лица которого постепенно становилось все более мрачным, казалось, вот-вот взорвется.

— ...Были ли еще мятежники?

Обычно чем спокойнее было лицо изначально, тем сильнее человек взрывается. У Генриха сейчас было именно такое лицо, словно он уже на грани.

И в этот момент мне нужно было кое-что проверить, поэтому я уняла свой страх и негромко произнесла:

— Ну... Герцог.

Глаза Генриха обратились прямо ко мне.

На этот раз я попыталась не избегать зрительного контакта, но мне это не удалось, поэтому я опустила глаза на его подбородок, сглотнула пересохшим горлом и задала вопрос:

— Тогда можно я останусь здесь? Я не буду вам мешать, герцог. Уборка или стирка...

— Ты думаешь, я привел тебя сюда, чтобы сделать такое?

На первый взгляд, он говорил очень чутко и серьезным голосом.

Я тут же сжалась, захлопнула рот и опустила голову, и Генрих, заметив это, прищелкнул языком.

— ...Суп, который подали по моему приказу, скоро совсем остынет.

Только услышав это, я обнаружила, что вкусный бульон в миске остывает.

Его фраза прозвучала так, словно герцог решил, что я уже наелась, поэтому я зачерпнула ложкой холодный суп, даже не успев опомниться.

Генрих продолжал смотреть на меня.

— Это все, чему тебя научил граф Семонд?

Неудивительно, что его голос сейчас казался немного более мягким.

Я подняла голову, а затем снова откусила от бутерброда — ням-ням, ням, — размышляя над тем, что сказать.

Затем Генрих вдруг протянул руку и забрал мою миску с супом.

Я сразу же застыла.

Мой! Это мой суп! Я ответила бы, даже если бы ты его не отобрал.

Мои руки дрожали от несправедливости.

Как он мог так поступить? Отнять то, что ел ребенок... Ублюдок!

Но он на мгновение задержал руку над моим супом, а затем снова поставил его передо мной.

Заглянув в миску с загадочным лицом, я поняла, что бульон снова стал горячим.

Когда я посмотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами, Генрих кивнул.

— Говори.

Если я не отвечу и не поем, то на этот раз он действительно может отобрать миску.

Я решительно придвинула суп вплотную к себе, чтобы его не отняли снова, и заговорила.

— Ну... Я умею писать, складывать и вычитать.

— Это само собой разумеется в твоём возрасте. А кроме этого?

— ...Домашние дела.

— Кроме чертовой работы по дому! — Генрих практически прорычал это.

Мой рот захлопнулся сам собой.

Но это действительно все, чему научил меня граф Семонд.

Хотя я старалась вести себя как настоящий ребенок, но знала многое благодаря поддержке моих «взрослых» воспоминаний.

Мне ничего не оставалось, как честно покачать головой в ответ на требовательный вопрос Генриха. И выражение его лица снова стало жестким.

Испугавшись, я поспешила исправиться.

— О, граф Семонд был добр. Ну, он научил меня многому, а иногда говорил мне отдохнуть... Графиня тоже заботилась обо мне как о дочери.

Я пыталась смягчить настроение Генриха, но казалось, что воздух в комнате сгущается как перед грозой. Выражение лица герцога тоже становилось все хуже.